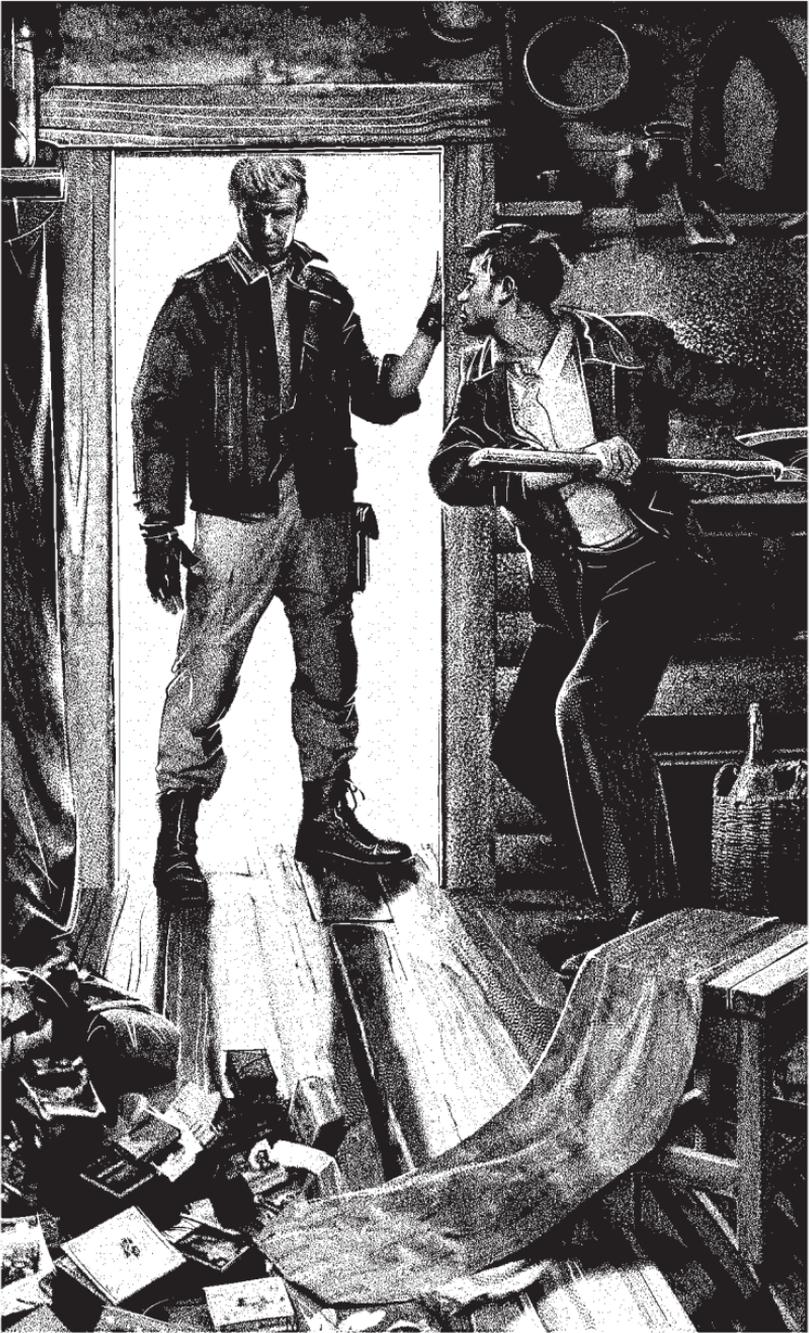

НА ПОРОГЕ ТЬМЫ

СЕРГЕЙ СЕЗИН
ПРОВОЗВЕСТИК
ТЬМЫ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С28

Художник
С. Бабкина

Сезин С. Ю.

С28 Провозвестник Тьмы: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 281 с.: ил. — (На пороге Тьмы. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1613-4

Я расскажу вам о путешествии в одну странную и интересную обитель. В живое прошлое, которое живет и проникает в нас. Вы его не видите, а оно с вами. Темное, тихое, оно просачивается в ваши миры и становится частью вашего мира. Вы его не замечаете, как не замечаете таракана под плинтусом. Или крысу в вентиляции. А потом Тьма прошлого приходит к вам ночью и заглядывает в глаза, приподнявшись на задние лапки. И не дай вам боги открыть глаза в этот момент. А еще лучше бы умереть во сне, не мучаясь. Потому что Тьма обязательно придет в ваш мир. Тьма — она вас не минет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сезин С. Ю., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1613-4

Глава 1

ПРОРОК ТЬМЫ В ВАГОНЕ

Меня зовут Алексей. У меня есть дефект обмена адреналина.

Простите за это новомодное представление по типу: «Меня зовут Влад, я алкоголик». Я тоже смеялся над такими представлениями. Раньше. Сейчас я думаю, что это в некотором роде правильно. Надо представляться и говорить о том, что характеризует тебя ярче всего. «Я — Иван, патологический лжец». И можно не продолжать дальше, что работаешь редактором газеты «Вестник Гузномоевска». «Я — Василий, психопат возбудимого круга». Если на Василии заношенные треники, то под ними скрываются купола-татуировки. Если же дорогая одежда — значит, Василий пока преуспевает на службе у криминального авторитета. Простите, что не назвал марки одежды успешного варианта Василия. Не слежу я за модой преступного мира. С женщинами сложнее. Там надо представляться, наверное, так: «Я — Татьяна, хотела бы жить на Манхэттене». Или: «Яна. Думаю, что я должна затмить Наоми Кэмпбелл». «Наталья. Хочу хоть какого-то мужика».

Конечно, представление будет меняться во времени. Я бы представлялся раньше так: «Хочу все знать». «Хочу побыстрее закончить институт». «Как бы прокормить семейство». «Как бы найти лекарство».

«Хочу побыстрее умереть». «Где это я?» «Что из этих трех убьет меня раньше?» «Только бы не откусить язык». Еще раз извините за неприятные подробности. Жизнь — она такая: кто обсуждает, что нашел Киркоров в женщине на восемнадцать лет старше себя, кто беспокоится, не случится ли дефолт еще раз. А люди больные погружены в свою болезнь.

Лучше я не буду рассказывать про нее, а расскажу о своем путешествии. Куда? Ну не на Канары же мне ехать. И не в Сочи: у нас в Крымске немногим хуже, чем в Сочи. А в одну странную и интересную обитель. В живое прошлое. Которое живет и проникает в нас. Вы его не видите, а оно с вами. Темное, тихое, оно просачивается в ваши миры и становится частью вашего мира. Вы его не замечаете, как не замечаете таракана под плинтусом. Или крысу в вентиляции. А потом Тьма прошлого приходит ночью и заглядывает вам в глаза, приподнявшись на задние лапки. И не дай вам боги открыть глаза в этот момент. А еще лучше — умереть бы во сне, не мучаясь. Потому что Тьма обязательно придет в ваш мир. Тьма — она приходит всегда.

А чем я лучше? Да ничем. К вам Тьма придет в свой черед. А мой черед уже был. Я сам пришел к Тьме. Теперь ее очередь прийти ко мне. Ну и зачем кричать, что я сумасшедший? Я и так вам это сказал, про дефект обмена адреналина. А, не поняли. Ну да, все правильно. Я такой. Нас много. Про некоторых снимают фильмы, которые называются «Игры разума». Некоторые прыгают из окна, крича: «Русские идут!» Большая часть скитается, как тени, от больницы к больнице. Я? А я житель провинции, который иногда путешествует в мирах.

Вы не хотите? Я все равно расскажу. Я знаю, что у меня голос неэмоциональный и что сам я тусклый,

как стертая монета. Впрочем, не настаиваю, чтобы вы слушали. Можете слушать «ВиаГру» по поезвному радио, можете слушать свой плейер, можете пойти в вагон-ресторан, надеясь, что я все расскажу до вашего возвращения. Хотите или не хотите — это наша привилегия, таких, как я. Сказать про то, что слышим или видим только мы. Что Богородица не велит молиться за детоубийц. Или что под иконой Богоматери на Варваринских воротах скрывается лик дьявола. И этому лику молятся о выздоровлении. Ваше дело — услышать сказанное или не услышать.

А не услышав, жить на берегу речушки, которая сегодня не годится, чтоб в ней утопили котенка. И дожидаться, когда в ней утонет тот, кто не услышал голоса. Нет, про эту речку потом. До нее еще семь лет. Сначала про Тьму и речку во Тьме.

Еще скажу о мирах. Нас потихоньку приучают к мысли, что миров много и иногда из других миров к нам приходят не те, кто нам нужен. И мы можем оказаться не там, где хотим. И это так. По крайней мере, я видел их несколько. А может, и много, ибо не всегда могу отличить свои игры воображения от реальности. Как соотносятся миры друг с другом? Я бы сказал, если бы точно знал. Умные люди в этом тоже расходятся. Умный человек по имени Стивен Кинг писал о множестве Америк, которые живут где-то друг рядом с другом. Та Америка, что вы знаете, и другая, где победил не Рузвельт, а какой-то местный куклуксклановец. Известная Америка и множество других, где Кеннеди не избрали, а другого Кеннеди не застрелили, а избрали... Лежат ли они рядом или друг над другом — это я у Кинга не понял, а может, он этого и сам не знает.

Другой умный, но чрезвычайно гадкий человек по фамилии Милославский сравнивал миры с шашлы-

ком, где миры наподобие кусочков мяса, сала и лука насажены на единый шампур — реку времени. Можно подумать о кровеносных сосудах. Но обычные люди в них не разбираются, разве что где-то им покажут трехмерную модель сосудов, выполненную компьютером. Правда, они увидят нечто, но не поймут — что, куда и откуда.

Проще будет объяснить на примере дорог. Вот знакомая вам станция Тоннельная и поселок Верхнебаканский. Вы едете по трассе на Крымск, а дальше на Краснодар. Кроме нее есть дорога на Натухаевскую и Анапу. И мелкие дороги в такие места, о которых вы даже не знаете. В садово-огородные товарищества. Или тропки в лес. И это все отражение вашей жизни и вашего выбора. Свернув с улицы Нижней на улицу Верхнюю, вы можете выбрать путь только на Анапу. Свернув с улицы Верхней на улицу Крайнюю, можете делать выбор только между двумя тропками на гору. Свернув с Крайней на Тупой переулок, вы свалитесь с горы. А теперь замените повороты с улицы на улицу вашими решениями — куда пойти учиться, где жить, кого поддержать на выборах, на ком жениться. Не поехав правильно на Краснодар, то есть не женившись сразу на вашей судьбе — Маше, вы имеете некоторый шанс вернуться на правильную дорогу, свернув от Анапы и приехав в Краснодар по другой дороге, потратив больше времени и сил, но все же попав куда надо. Может, и опоздав. Вам не нравится сравнение Маши с Краснодаром?

Я готов продолжить и кулинарные сравнения. Миры мне напоминают селедку под шубой. Ели ее? Ну вот, так они и лежат, только делала их не умелая хозяйка, а хозяйка с дрожащими руками и которую еще то и дело отвлекали. В итоге слои проникли друг в друга. А пока их несут к столу, от тряски они тоже де-

формируются и сдвигаются друг относительно друга. Потому добро или зло может перетекать из мира в мир.

Тот же очень умный, но противный тип сказал, что теорий много, как дырок в заднице. Не менее одной у каждого. Вы сомневаетесь, что у человека бывает больше одной дырки? Бывает. После травмы головы я долго долечивался, и переводили меня из отделения в отделение. Вот травматология сейчас перегружена — и меня временно переведут в хирургию. Выписать еще рано, а выставить на улицу человека с поврежденным мозгом у врачей рука не поднимается, спасибо им за это понимание. Муниципальный чиновник это делает легко.

Вот в хирургии я насмотрелся на людей, у которых есть природный анус, а есть и противоестественный анус. Жить с ним тяжело. Еще хуже — даже рядом с ними в палате лежать тяжело. А еще анус бывает двустольным. С ним тоже тяжело, и рядом не лучше. Ладно, я уже и сам понимаю, что, начав с судьбы, мы дошли до задницы, что вполне ожидаемый исход в попытке разобраться в судьбе или изменить ее. Поднимаемся уровнем выше от заднего места.

У реки времени есть начало и есть конец. Мир скользит по ее водам от своего рождения до смерти, потом он куда-то уходит. Наверное, растворяется в море. Как речка Озерейка в Черном море. Я не знаю, река времени течет одним руслом или, как Кубань, раздваивается в устье. Но все миры там будут. А с некоторыми из них происходит нечто странное. Плыл мир, плыл, но не доплыл до моря. Ему уже пора стать частью этого моря, а он случайно задержался. Закружился в водовороте, зацепился за остров, ушел в протоку и застрял там... Его уже не должно быть, а он еще есть. Как ветхое жильё — по бумагам оно уже давно

снесено, жильцы расселены, а оно стоит себе на окраине, а не подозревающие о том, что они расселены, жильцы живут в развалюхе и живут. Им говорят, что вас уже тут не должно быть, а они сопротивляются тому, что их нет. Что при этом в случае с баракком происходит, вы знаете. А с миром происходит вот что. В мир приходит Тьма, которая и уничтожает то, что должно уже быть уничтожено, но по случайности уцелело. Но Тьма — это не нечто однозначное, а, как та же комиссия исполкома, многоликое. В комиссии есть люди разные — те, кто считает, что вас нет, так и не приставайте с просьбами подпереть падающую стену, а есть и не совсем одеревенелые, кто пытается найти в пустой казне города хоть рубль на эти подпорки. Ну и Тьма такая же — из нее вырываются сгустки ее, убивающие людей. И одновременно близ нее железо не ржавеет и резина не рассыхается. Отчего так — смотри рассказ о теориях, которых как того самого, у каждого по меньшей мере одна.

Вот так бывает в тех мирах, которые застряли вне будущего, где-то в заводах реки времени.

Но Тьма может пройти и в миры, которые еще не тихо догнивают в этих заводах. А вот как она туда проходит — у меня только одна идея. И от нее становится не по себе. Я думаю, что она идет сквозь дырки в реальности, которые оставили люди, попавшие в иные миры. Вот читаете вы газету или книгу, где описано попадание офисного менеджера в сорок первый год, где он благодаря своим многочисленным талантам, которых в нем ни начальство, ни девушки не видели, становится там Шишкой, быстро заканчивает войну на несколько лет раньше — и все перед ним преклоняются, как перед богом. Или богиней. Вы такие книжки уже видели? Ну вот, дальше увидите еще чаще. И лю-

дям нравится, и людей все больше будет куда-то проваливаться. Реально и в мечтах.

Вот только над тем, как они все прошлое наизнанку вывернут и сделают по-своему, — над таким я тихо смеюсь. В то, что они в прошлое провалятся, — я верю. Сам проваливался. А вот в то, что они там на вершину вскарабкаются и неизреченным светом воссияют, — в это нет. Совсем. Тьма — она тоже не слепая. Хотя и темная. Да и без Тьмы там много чего с ними интересного произойдет. Ну вот подумайте, что будет, если брякнет гость из будущего, что в оном будущем по Москве ходят правнуки солдат сорок первого и «Зиг хайль!» вопят? И их в психбольницу не забирают? Так гость из будущего пребывание в прошлом внезапно прервет. Сразу и навсегда.

Или выложит рассказы Александра Исаевича, который не додумался псевдоним взять? Можете спорить на бутылку пива, что отведут его туда, в ГУЛАГ, и там он на практике познает, прав Исаевич или не прав. Особенно интересно будет, если он с Исаевичем в лагере пересечется и скажет... А что он скажет? Ну, это вы и сами придумать сможете.

А почему мне не по себе становится? А потому как думаю, что и по моим следам может пройти Тьма и ее посланцы. Даже если одна «гончая» Ее случайно затешется за мною и придет сюда...

И так из параллельных нам миров много чего интересного проходит. Вот про это вы в газетах и читаете. «В пустыне в штате Нью-Мексико найден труп лошади, у которой через маленькие аккуратные разрезы вынуты все внутренние органы, но без капель крови вокруг. Фон радиации возле трупа был повышен». Вы только что об этом прочитали в своей газете «Удивительное — рядом». Откуда я про это знаю? Ну, умею я читать строчки кверху ногами, вот и прочел вашу га-

зету, когда она на столе лежала. Там еще дальше написано, что это странное происшествие связано с секретной базой ВВС США, которая где-то там рядом. Вот про лошадь можете верить, а про базу — не нужно. Почему? Потому что на секретных базах живут бюрократы, которые тоже люди. И логика у них такая же, как у нас всех. А что нужно секретному правительственному бюрократу? Чтобы он на секретной базе создавал секретное оружие против врагов его родины, чтобы ему все время хорошо за это платили и чтобы про это никто не знал, ибо тогда могут перестать платить. Поэтому, если ему понадобится из лошади внутренние органы вытащить с применением радиоактивного ножа, он это сделает. Но у себя в секретной лаборатории, дабы никто посторонний этого не видел. А если он трупы лошадей кидать будет, да и с намеками, что здесь не койоты лошадь съели, а что-то странное творилось, то какая тут его любимая секретность? Еще и сенатор из конкурирующей партии ревизию наведет и заставит отчитаться, что они на базе за казенные деньги делают.

А вот какое-нибудь чудовище из параллельного мира, которое случайно возле лошадушки оказалось, это вполне и сделает. Сделало и ушло, не беспокоясь, какой ступор будет у фермера-владельца и что радиация там осталась. В нашем мире таких нет, а вот в параллельном может быть какой-то двустворчатозадый радиоактивный шеперенх, то есть шестиногий пятидесятихрен. Или симбиоз радиоактивной лягушки и едзящего у нее на спине какого-то фиолетового спиногрыза. Вы вот Лавкрафта читали? У него много рассказов, как в место, кажется, Дансвик называющееся, приходили из других миров какие-то невидимые, но воняющие страшные существа и вступали в отношения с тамошними жителями. И если не путаю, у них

даже совместные дети были, у местных и пришлых. Воображаю, как они выглядели, и мое видение их облика меня не радует. Но они хоть с отдельными людьми взаимодействовали, и даже им деньги платили за разные услуги, а вот порождения Тьмы на такое не способны. Хотя я, наверное, не прав. Видели их вместе с адаптантами, и трусили «гончие» Тьмы рядом, как какой-нибудь Барбос у ноги хозяина. Вот чтобы адаптант «гончую» по заливку трепал, как Барбоса или Жучку, — этого никто не видел. Но это так несложно представить.

Но тут я забежал вперед. Надо сначала про себя рассказать и про свою болезнь. Пришла она ко мне не с детства. Потом, конечно, я, пока мог, всю доступную литературу прочитал, да и врачей много расспрашивал. Они, когда пациент не надоедает, а тихо слушает, никогда в информации не отказывают. Ну, почти никогда. Надо бывает им что-то самим сделать или отдохнуть захочется — вот тогда лучше не надоедать. Потому что когда тебе рассказывают про болезнь в охотку, оно понятнее и объемнее выходит. И переспросить можно, если не понял сразу. Когда человек нехотя тебе рассказывает, он расскажет совсем схематично, а просьбы разъяснить совсем его раздражать будут. Так что лучше как я сказал делать. Болезнь эта многообразная и переменчивая. Происходит она из того, что некоторые вещества в организме неправильно обмениваются. А как именно — непонятно, но делается от этого вред. Вот как у диабетика. Ему надо есть сахар, как всякому человеку, и даже необходимо его есть. А у него этот сахар из-за нарушения не обменивается, как надо. И человек от этого мучается. То у него сахар в крови падает, оттого он еле ноги переставляет, а то и вообще свалиться может и уйти в мир иной. То у него уровень сахара растет и ацетоном его

переполняет. Ибо не хватает вещества, чтоб этот сахар безопасно и полезно в ткани переправляло. А раз нет безопасного обмена, так происходит опасное отравление. Вот у меня выделяется вещество, которое работой мозгов руководит, а дальше оно неправильно обменивается. Вроде как образуются ядовитые продукты распада. И эти продукты мой мозг отравляют. Какие-то работающие участки тормозят, а какие-то перевозбуждают. Если я не так рассказал — извините, я ведь по образованию инженер, а не медик, могу что-то и перепутать. Да и болезнь — она тоже сказывается. Иногда так слово закручу из пяти корней, что другим людям сложно меня понять. Говорят, в немецком языке так можно, но я немецкого не учил. В школе и институте меня учили английскому, ну и сам одно время пытался латынь освоить. Кое-что помню, хотя произношение никакое. А по латыни еще хуже, ибо никто не знает, как эти фразы произносить. А отчего это бывает — не всегда понятно. Ну, вроде существует теория и наблюдение, что есть значительный наследственный механизм передачи. Что если у папы ребенка болезнь есть, то вероятность у детей заболеть выше, чем обычно. А если мама больна — то гарантия выше, чем пятьдесят процентов. Когда же оба родителя больны — еще более вероятно, может, даже на сто двадцать процентов, а не на сто. Потому что если ребенок даже случайно родится здоровым, то, когда он будет познавать мир, ждет его когнитивный диссонанс. Вот спрашивает он маму — что это за зеленая птичка прыгает на ветке? А мама отвечает, что это не зеленая птичка, а красный крокодил. А ребенок видит зеленую птичку. Он — к папе, а тот говорит, что там вообще птички нет, а есть синяя змея. И так во всем. Итого: «Прощай, папа, прощай, мама, крышу ветром унесло!» Но со мной эта теория не работает. У меня

родители были нормальные. И обе сестры тоже. И дети у сестер нормальные. И моя дочка, пока жена со мной не развелась, тоже была нормальной. Спала только плохо, но это со многими детьми бывает. А что с нею сейчас — не знаю. Живет она в Америке или где еще — этого я уже не ведаю. Жена моя замуж второй раз вышла, в Америку уехала с этим вот вторым мужем и Машенькой. Машенька мне несколько раз написала оттуда открытки. А потом они перестали приходить. Наверное, забыла. Ну что ж, я не в обиде. Но, наверное, эта теория очень неполная, потому что течет болезнь по-разному и с разной скоростью. Или веществ, чей обмен нарушается, больше, чем один адреналин, или что-то еще есть, которое в эту теорию не вкладывается. У меня были видения. Разные. У других в мозгу звучит музыка, или икс-лучи через их голову проходят, пущенные через розетку врагами-соседями. А один в палате, когда я первый раз попал в больницу, вообще лежал на кровати без подушки. Подушки нет, а он голову держит, как будто ее подушка подпирает, целую неделю. И спит так, и лежит так, пока не надо есть или делать процедуру. Но хуже всего не сами видения, а то, что постепенно перестаешь понимать, где они, а где реальность.

И бывает такое, что человек может долго не проявлять того, что болен. Ну, он чуть странный, но не сильно. А потом раз — и болезнь летит вперед. Такое может быть после какого-то потрясения. У женщины возможно после родов. Отчего у меня — не готов сказать. Наверное, от всего того, что было в девяностых годах. Жизнь больно резко повернулась, и этот поворот вывихнул многим мозги. Вспомните, сколько людей до этого были пламенными коммунистами, атеистами и интернационалистами. А сейчас он уже и демократ, и националист, и истинно верующий, и вооб-

ще не похож на себя прежнего. И это уже назавтра после того, как стало невыгодно быть интернационалистом, а сделалось выгодно быть противоположностью ему. Наверное, в нем все время уживалось несколько личностей сразу, как в моем соседе по палате. Тот был одновременно Василием Шумовым, наполеоновским солдатом и английским матросом. Только сосед, как положено больному, ничего за ношение в себе трех личностей не просил. Совсем ничего, даже лишней порции галоперидола на долю англичанина или француза. Ну а начальники за то, что душа их в новый калейдоскоп складывается, известно что желают. Да и другие не отставали. Раньше можно было ключи в двери оставить и не очень бояться расплаты за это. А в новом времени нигде спокойно жить стало невозможно. На работу пойдешь — тебя начальник обмануть хочет, чтобы зарплату не платить. За картошкой на базар пойдешь — та же история. В магазин зайдешь — еще хуже. Закроешь за собой дверь — тебя и там найдут. Из телевизора выглянут или в двери постучат. Куда деваться бедному Тому из Бедлама? А если даже не покупаешь акции МММ, не хочешь быть в «Хопре», не знаешь, что такое «Идигов-продукт», — это тебя не спасет. Придут и скажут, что это не твоя квартира. Ты ее уже продал, и нотариус это все подтвердит, что ты продал и деньги от покупателя получил. И выписался в соседнюю станицу. Там, на западной окраине, есть хатка пять на шесть. Вот в ней таких, как ты, прописано уже двадцать штук. Те, которым трехкомнатная квартира слишком обширна, они хотят все в этой мазанке на полу лежать и по команде поворачиваться, когда бок устанет от лежания на нем.

Какое-то время я держался. Из маленькой, но гордой республики, куда меня по распределению направили, семью вывез. Квартиру — не смог. Но и то хоро-

шо. Потому что после нашего отъезда там на улицах постреливать начали. На родину вернулся, работу нашел. Даже в девяносто втором к казакам присоединился и в Приднестровье съездил. Стрелок из меня средний, но звание инженер-лейтенант мне не совсем зря присвоили. Учили нас не очень подробно, но я не стеснялся к обучению интерес проявить и лишний вопрос задать и спросить что-то из практики преподавателей, но не совсем по теме. Так что балластом не был. Оттуда вернулся, и еще на пару лет меня хватило. Работа все-таки находилась, хоть и не всегда постоянная, и работодатели жучили, как только могли. Жучили — это потому что еще теми жуками были. Ну, вы все знаете. Как люди у них работали, но неофициально. Потому что на них налоги государству платить надо. Вот и владелец предприятия по импорту стиральных порошков по бумагам имел из персонала только секретаршу. Он бы ее не показывал, но когда к нему с проверками приходили, она-то проверяющих принимала, чаем поила и специальную кнопку нажимала под столом, чтобы все остальные спрятались и не отсвечивали, пока проверяющие своего не получат и не уйдут. А чтобы проверяющие не обратили внимания, что владелец и секретарша вдвоем десятки тонн порошка закупают, хранят и продают, им и вручались предметы зеленого цвета. Зеленый цвет сильно сосредоточиться мешает. А картинки мертвых людей на них — еще больше. Поэтому если хотите, чтобы вас никто не увидел, — спрячьтесь на кладбище в маскировочном костюме зеленого цвета. А если вас все-таки увидят — значит, вы не тех мертвецов выбрали для камуфляжа. Надо было выбрать Томаса Джефферсона, а не Губу Мойшевну Безродную. Вот так. Ведь во всем сейчас виноваты вы сами. Только вы. И если у вас нет миллиарда, можете идти туда, куда вас напра-

вил автор этой фразы. И оставьте жалкие оправдания, что миллиардеров не может быть много. Вы не поняли? А, значит, это еще будет.

Потом умерла мама, жена развелась со мной, и меня накрыло. Работать я не смог, больница, второй раз больница... Таблетки мне полагались бесплатно, как инвалиду, но их вечно не было. А если и были, то могли не помогать. Не то моя голова не поддавалась, не то производители лекарств на таких, как я, экономии. Зачем нам в таблетку класть лекарство, когда мы и так обойдемся. А потом со мной случилось не то чудо, не то издевательство судьбы. В городе Новороссийске тогда любили людей в день зарплаты грабить. Зайдут неслышно со спины, тяжелым по голове ударят — и с безмолвного или даже бездыханного тела зарплату возьмут. И когда я шел по улице Красных Военморов, меня, видно, перепутали с тамошним жителем, что зарплату домой нес. Темно, наверное, было. Зачем я туда из Гайдука пришел, что я там делал и когда — это из памяти изгладилось. Называется антероретроградная амнезия. Если слов не перепутал. Очнулся я не скоро и уже в больничной палате. Рост у меня под два метра, и, видно, ночные рыцари били, чтобы с гарантией не встал. Только деньги у меня тогда вряд ли нашлись. Ну, может, несколько рублей.

Трещина в черепе, две раны на голове, паралич левой половины тела. Потому что ударили оба раза по правой стороне. Что это значит? Не знаю, так мне врачи несколько раз говорили. Видно, это для них имеет какое-то значение. Батя ко мне разок в больницу смог прийти и сколько-то денег наскреб на лекарства. А дальше уже сил не было, он совсем разболелся. И так на бугор, где Первая городская больница располагается, не знаю как он дошел. А я все лежал. Потом потихоньку двигаться начал. Отходило все ужасно

медленно. Поэтому меня несколько раз временно переводили — то в терапию, то в хирургию, то еще куда — где места свободные есть. Многие болезни ведь по сезонам в больницу укладывают. Вот с переломами людей больше зимой привозят. К лету они подлечатся, и отделение становится пустым. Остаются в нем только те, кто еще до лета не вылечился. Спасибо врачам за то, что держали и лечили чем у них было. А потом пришло не то горе, не то счастье — эпилепсия. Такое после травм головы бывает. Почему она горе — вы понимаете. А почему она — счастье? А это только для меня. В одной книжке было написано, что моя болезнь и эпилепсия несовместимы, и если припадок у меня отчего-то разовьется, то это мне поможет и болезнь основная будет протекать полегче. Есть даже такое лечение — электросудорожная терапия. Накладывают на виски электроды и пропускают ток. Удар тока — и припадок падучей болезни. Меня так раньше не лечили. Меня лечили оба раза инсулином и таблетками. А дома я таблетки ел — когда они были.

Так я и лежал до весны, а потом до июня. А дальше меня все-таки выписали. Я был не против. Да и, наверное, надоел я медикам. Я совсем не в обиде — они и так столько мне помогали, хватит уже их терзать своими болячками. Они еще мне выдали одежду, потому что моя была вся в крови и никуда не годилась. То есть, наверное, не выдали, а из дому кто-то принес, которая не нужна была. Еще палочку дали, которая от умершего пациента осталась, а его родные не забрали ее. Ноги меня еще не здорово слушались. И поковылял я вниз под гору к транспорту. На который у меня денег тоже не было. До автобуса еле доковылял и спросил водителя взять меня бесплатно. Он согласился. Выглядел я не очень, да и сказал, что из больницы

иду. А забрать меня оттуда некому было, и денег на обратную дорогу дать тоже некому. Я ему благодарен был и пообещал, что позже отдам. Он махнул рукой. Увы, это «позже» наступило очень не скоро. Но все же отдал.

А потом я подошел к двери нашей с отцом квартиры и не смог ее открыть. Замок уже был другой.

Так и заночевал на половичке перед дверью. А утром походил по тем, кто меня еще не забыл, и узнал, что отец умер через месяц после моего попадания в больницу. А квартиру кто-то купил. За истекшие месяцы этих «кто-то» было трое, и они здесь не живут. В ЖЭКе мне сказали, что квартиру действительно продали, и уже не раз, и числится она уже не на первом человеке. А кто и как продал — они не знают. Сотрудница, которая тогда работала, к тому моменту уволилась и уехала. Куда — а говорят, что в Ростов. Спросил я их: а что можно сделать, чтобы квартиру вернуть? Они сказали, что можно в суд обратиться, но судиться придется не один год. И денег на это уйдет немерено.

А пока мне нужно на половичке спать и питаться воздухом, потому что ел я последний раз вчера в обед, когда выписывали. А как я судиться буду, если у меня вторая группа по психическому заболеванию? Я, наверное, еще и недееспособен. А кто вместо меня тогда в суд подавать будет? А куда теперь податься? Отец и мама умерли. Жена замужем за другим и уже далеко. Сестра Юля с семьей живет в Воронеже. Сестра Аня — неизвестно где. Вышла она замуж за лейтенанта и уехала с ним в другую республику. С тех пор о ней совершенно никаких вестей нет. Про то, как эта республика боролась за свою независимость и как там все происходило, ходят очень мрачные рассказы. Если их послушать на ночь, спать не хочется. Зато хочется

поймать жителя этой республики и медленно, с наслаждением его задавить. Останавливает только то, что он живет здесь, потому что если бы остался на родине, то там его с наслаждением задавили бы.

За что задавили бы? Ну, вы, судя по виду, славянин? Потому и вряд ли знаете, что происходило с вашими родными в одна тысяча девятьсот двадцатом году. И если даже вашего прапрадеда тогда убили, что вы об этом можете сказать? Вряд ли что-то. И даже если узнаете, что он был тогда повстанцем и что его убил чекист — прапрадед вашего знакомого, то не схватите лопату и не побежите убивать этого знакомого. А для какого-нибудь узбека или памирца двадцатый год — это не седая древность, а вчера. И гибель представителя его рода требует отмщения. Поэтому его прадед, дед и отец рассказывали о гибели представителя их рода Рахманкула Ильясова под кишлаком Топрак от рук сына блудливой ослицы Ахмеда Ахмедова и намекали, что для потомков этого никчемного Ахмедова когда-нибудь зажгут большой костер. Но при советской власти с костром у них не выходило, и они могли разве что как-то мелко отомстить. А теперь с потомка Ахмеда Ахмедова могут медленно срезать кожу и гордиться полученным результатом. Если при смене президента Рамазанова на президента Новрузова власти допустят слабину и в стране воцарится безвластие и беззаконие.

Сходил я на кладбище, поглядел на могилку отца — знакомые и друзья помогли похоронить его, и завод чем-то помог. И захотелось мне под этим крестом лечь и умереть. Но я не умер. Видимо, судьбе моей этого было мало. Я еще с Тьмой не познакомился. Поэтому подобрал я палку и узелок со своими вещами и заковылял дальше. В Крымске у меня жила тетя Люда. Может, у нее для меня найдется закуток в доме. Рас-

стояние до Крымска невелико, но не было ни денег, чтобы доехать, ни сил, чтобы дойти пешком.

До Тоннельной доехал я зайцем в поезде. Там меня сняли и препроводили в милицию. Милиционеры на мои документы поглядели и выставили оттуда. А я-то рассчитывал, что на несколько дней оставят в камере, я бы хоть чего поел. И поспал на койке, а не под дверью. Поковылял я к трассе и по ней прошел с километром. Шел, наверное, часа два. А потом нашлись добрые люди, которые в Нижнебаканскую ехали. Высадили меня возле памятника летчикам, и дальше уже сам пошел. Больше добрых людей на сегодня не нашлось. Шел до ночи, шел ночью, когда уставал — садился на обочине и утром шел. Как дотащился — сам себе не верю, что смог. Не на ногах шел — на нервах. Наверное, весь порченный адреналин, что был тогда, на движение использовал. Дошел, сел на скамейку, что у ворот прилажена, — и все, дальше уже не могу. Так и сидел, пока тетя Люда из дому не вышла — она к соседке собралась. Увидела меня, с трудом узнала, села рядом на скамейку и заплакала. А мне тоже заплакать хотелось бы — а не могу.

И остался я в Крымске жить. Тетя Люда уже много лет жила одна, с тех пор как ее муж и дети разбились на машине. Я тогда еще в школе учился. Замуж второй раз она не вышла, так и жила одна, разве что с собакой или кошкой. Ни к нам, ни к другим родственникам переехать не захотела — привыкла она к Крымску. Мы у нее в гостях бывали, и она к нам заезжала, пока все здоровы были. Тетя уже на пенсии была, но продолжала работать учителем. Не так много желающих было в школе работать на скромную ставку и с недисциплинированными детками. Вот директор и просила слезно пенсионеров-учителей не уходить. Они и тянули воз школьного образования дальше, вместе с

теми из молодых, кто не убежал в распространители «гербалайфа» и челноки. В других местах было не лучше. В хирургии со мной лежал семидесятилетний учитель — он до сих пор работал. Только попросил директора, чтобы дали ему кабинет на первом этаже, потому что на второй этаж он подняться не мог — ноги у него подъема по лестнице не выдерживали. А по ровному месту еще ничего, ходил.

И тетя тоже ходила в школу, хоть и сердце у нее все чаще болело. Но она считала, что лечиться ей не нужно. Сколько проживет — все годы ее. А нового сердца ей все равно не вставят. Так она отвечала всем, кто ей про здоровье говорил. Тетя мобилизовала всех своих бывших учеников, кто хоть какую-то властную должность занимал, и восстановила мне те документы, что я утратил. С квартирой было глухо и недоказуемо, поэтому мы еще немного попытались, а потом бросили. Надеюсь, нажившихся на этом ребят встретит где-то возле гаража «гончая» Тьмы и задаст следствию неразрешимую загадку, от разрешения которой следствие изящно уклонится: дескать, собаке — собачья смерть. Она оформила на меня опеку. Да только через два с половиной года, когда она умерла, я со страхом ждал, что ко мне придут и запрут куда-то в сумасшедший дом. Не в такую больницу, где я бывал, а в такую, о которых только слышал. В них держат совсем уже безнадежных. Там гуляют тени бывших людей, прямо как по читанным мною в детстве книжкам из греческой мифологии, где Одиссей добирался до царства мертвых, чтобы тени его друзей напророчили, что его, Одиссея, ждет. Греки считали, что отдельные люди за особые заслуги могут и на небо попасть, особые злодеи вечно мучиться в Аиде будут, а большинство людей — в виде вечных теней скитаться по неким преде-

лам, для этого предназначенным. Но греки до обителей Тьмы не додумались. Или ее тогда еще не было?

Не знаю. Мне кажется, что Тьма была всегда. За углом, за пределами поля зрения, за тоненькой перегородкой в мозгу. И иногда тоненькая перегородка падает. И глаз поворачивается на градус дальше, чем обычно. Потом, вернувшись из углегорской обители Тьмы, я думал, что она только там. Но это было заблуждением, и я опять увидел посланцев Ее. В других уже мирах. Потому и стал думать, что она везде. Она — наше прошлое, особенно то, что не дает жить и дышать. Она — наша темная часть. Обратная сторона нашей души. А еще я много думал, что, может быть, всякие черти, джинны, демоны, о которых думали люди, — не посланцы ли это той самой Тьмы? Но у меня на это нет однозначного ответа. Когда ты видишь inferнальную тварь, от вида которой останавливается твое сердце, — откуда тебе узнать, кто перед тобой? Обезьяноподобный клочок Тьмы из Углегорска, демон из моего второго попадания в мир-жертву, порождение твоих мозговых структур и их веществ? Ифрит из восточной демонологии? Темный эльф-дроу? Какая-нибудь японская шиноби?

Вы говорите, что шиноби не страшные? Воля ваша, я ведь в японской мифологии не очень волоку. Пусть будет банзайсушисакемон. Что это такое? Это я свои познания в японских реалиях в одно слово склеил. По-русски будет — смазь всеобщая. Или смесь всеобщая. Как больше нравится. Потому что смазь всеобщая — это немножко больно.

Но никто меня никуда не отправил. Хотя возникла куча проблем — пенсию мою тетя получала, а как я теперь ее получу? Ну и другое. Но постепенно все это рассосалось, только поголодать пришлось, пока это все рассасывается. Я уже говорил про припадки. Они

мне сильно помогли, хотя потом не очень приятно находить себя где-то в траве или в грязи. И понятно, в каком виде. Но постепенно болезнь моя приостановилась, и выработалась даже привычка к ней. Видишь нечто на заборе, соседского кота не напоминающее, и на него не реагируешь. Так ну и пусть себе сидит, чертовщина рыжая. Я даже смог смотреть сквозь эти вот галлюцинации, как через стекло с рисунком на нем. Ну и таблетки продолжал есть, чем ужасно радовал нашего психиатра. Он говорил, что редко кто выпитые таблетки ест, а тем более — как предписано. Еще я слышал, что немного помогает водка. Если пить ее в нужной мере, то она тебя успокаивает. Но тут есть другая опасность — эта нужная мера на практике не получается. Мы, больные, ее дуем, как воду, и часто она на нас действует не так, как на других. Долгое время вообще даже морды от нее не краснеют.

Как мы жили вместе с тетей? А не роскошно. Пенсия-то у меня совсем маленькая была. А кто меня на работу возьмет со второй группой и разными завихрениями в голове? Город-то маленький, все друг друга знают. А цены в девяностых сами помните, как росли. Однако когда мне полегче стало, стал искать работу хоть в виде «вскопай, принеси, поддержи». Одиноких людей-то много, кто-то уже сам не сделает. Вот я и огород вскопаю — и получу картошки или хлеба. Тут самое главное — не свалиться при этом от припадка. Я-то потом отойду да и вскопаю, что не успел, а старушка перепугается. Страшно этот припадок непривычному человеку видеть. А я уже привык. Даже помощь приходилось оказывать. Сегодня — мне, завтра — ты сам.

А вот спустя несколько лет я уже стал и временную работу делать. На стройках. Я ведь кое-что сам умел до болезни и электротехнический факультет закон-

чил. Диплом мой где-то пропал, спасибо покупателям, но мастерство еще не все болезнь унесла. И город постепенно растет, и не все уже тебя знают. А те, кто знает, уже много лет тебя видят, что ты штаны не на голове носишь, и моешься, и людей ничем не пугаешь. Оттого и не бегут к прорабу рассказывать, что вот вы Леху взяли, а он натуральный псих. И справку имеет про то. Голову оторвет — и ему, как психу, ничего за это не будет. Тут они врут — больных, которые что-нибудь сделают, сажают в психбольницы. Тех, кто украл штаны, — в обыкновенную больницу, а тех, кто голову оторвал, — в специальную. И сидят они там столько, сколько доктор прописал. Когда год, когда и всю жизнь. Точнее, не один доктор, а комиссия.

Про специальные больницы я кое-что слышал. Невесело там, поэтому думаю, что туда прятаться, прикидываясь больным, можно было только тогда, когда смертная казнь была. С тех пор как отменили ее, игра того не стоит. Это мне там все понятно и знакомо будет, а небольшому все равно привыкать к окружающему ужасу придется. Хоть в лагере, хоть в психбольнице. Но многие люди — они такие. Им хочется быть шибко хитрыми, иногда даже в ущерб себе. Вот не встречали такого: кто-то напился на работе или просто пришел туда, еще не совсем после вчерашнего протрезвев? Вижу, что встречались с такими кадрами. И вспомните, как такой кадр до конца врет, что выпил только сто грамм или кружку пива? Реально он такими дозами не вкушает, и вранье его ничем ему не поможет. Начальник-то знает, что перед ним пьяный стоит, и не от ста граммов, и, собственно, пофиг, сколько конкретно он на работе выпил — сто грамм или пол-литра. Кара одинакова. Но ведь врет и думает, что вранье его спасет. Ну ладно, ври, что ты на работе пил

один, и кого-то покрывай. Тут твое вранье хоть чуть благородством отдает. А про сто грамм? Увы.

Поэтому всегда найдется человек, который думает, что сумасшедшим прикинется и всех перехитрит. А выйдет все так, как с тем, кто рассказывает про сто грамм.

Да-да, вы правы, что шиноби — это не злые духи, это люди. Я ведь признался, что в японском не волоку. И в Темные Миры, где умирала Япония, не попал. Поэтому могу себе позволить спутать Хиросиму с Фукусимой.

А еще позже я стал экстрасенсом. Нет, я, глядя на вас, не вижу, что у вас делается в поясничных позвонках и есть там грыжа или нет. И беря вот вас за руку, не читаю вашего прошлого и будущего. Я вообще думаю, что никто так не может. И смело признаюсь, что я не имею никакого дара. У меня только моя болезнь, временно замершая и даже чуть откатившаяся назад. На полшага. А занимался я этим пропитания ради. И то себя не предлагал. Это все народная темнота. Советское образование ее чуток развеяло, и стало немодно признаваться в том, что веришь в чертей и домовых. Поэтому, чтобы над ними не смеялись, интеллигенты стали рассказывать про ауры, про снежных человек, про НЛО, про всякое там Единое Информационное Поле. Так они прикрывались этими терминами, как известный орган фиговым листком, называя домового барабашкой, а бога Единым Информационным Полем. Потом время изменилось, и стало модно верить. Как вообще, так и во всякую чушь в частности. Ну, вы все это видели. Сначала были экстрасенсы международной категории, потом провидцы и предсказатели обоего пола. Потом появились экзотические кадры. Уже хвастать дипломом доктора магии стало немодно, потому начали рекламировать совер-

шенно неграмотную сибирскую знахарку. Или некий тип с русской фамилией стал рассказывать, что он из рода среднеазиатских целителей, из которого происходил Авиценна. А кто там в нашей провинции знает, что среднеазиатской медицине многие столетия было вовсе нечем похвастать? А про гигиену и санитарию в Средней Азии говорить и вовсе не стоит. И мне даже кажется, что среди экстрасенсов есть только две категории — больные вроде меня и обманщики. Я готов признать, что подхожу под обе категории. Несмотря на то что угадал насчет вашей грыжи межпозвоночного диска. А чего тут особенно сложного — вот смотришь на тучную даму средних лет, и достаточно несложно догадаться, что у нее пошаливает желчный пузырь. Догадаться, что у мужика лет пятидесяти ростом под два метра и с красным лицом давление высокое будет — тоже легко. А у вас еще и хорошо видно, как вы спину бережете, садясь и вставая. До этого и врач догадается, если ему дать на вас времени больше, чем положенные пять-шесть минут. А если позволить вам еще поговорить, то столько всего расскажете, что и УЗИ не нужно. Только у экстрасенса на это есть время, и деньги вы ему беспрекословно заплатите. А участковому терапевту вы деньги заплатите, только когда в понедельник у вас с бодуна голова трещит и нужен больничный лист. Вот он за скромную сумму больничный выпишет с диагнозом «гипертония», и вы отлежитесь. И с работы не полетите. Опять угадал? А чего здесь сложного...

Скажу даже больше. Помню, как в семьдесят пятом году к моей покойной бабушке пришли две женщины из станицы Натухаевской. Тогда ей было под семьдесят, а образование у нее два класса. Вот женщины и попросили ее полечить рожистое воспаление. А обратились они к ней только потому, что она уже

старенькая была. Вот женщины и решили, что она, как старая женщина, рожистое воспаление лечить может. Априори, как старая женщина. Бабушка им сразу сказала, что лечить не умеет, и все. То есть живут люди, на которых «не нужен нож». Сами раскошелятся...

Ну а больным вроде меня демонстрировать из себя экстрасенса просто. Мы много чего видим, слышим и ощущаем. Вот один из моих сопалатников (Игорем его звали) ощущал, что у него в голове схлопываются и разлипаются оболочки мозга. Поверни все это в нужную сторону — и пожалуйста. А если еще непонятно и таинственно выразаться начнешь — цены тебе не будет.

Тут я еще раз признаюсь, что почему-то люди, с которыми общаюсь, всю жизнь меня считают умнее, чем я есть. Чем-то я их к себе располагаю. Загадка какая-то. Так что почему-то стали ко мне подходить люди из самого Крымска и из других мест и стали просить, чтоб я им что-то сказал, чем они больны, что с их сыном или дочкой, что их ждет. А что я? Иногда я вижу, в чем тут дело. Иногда нет. Чаще — нет. Тогда говорю — ничем помочь не могу. Вот уж не знаю, кто пустил слух первым, что я у человека болезни вижу. Не вижу я их в виде открытой книги. Это люди про меня придумывают. Так, погляжу, что-то увижу. Кольцо возьму, на ниточку повешу, поднесу к человеку — то к голове, то к груди, то к животу, то к крупным суставам. Получается что-то вроде поиска подземных вод лозой. Ну, а вы должны знать, что это не лоза воду чует, это лозоходец чует, и от этого лоза в его пальцах трепещет, а не она сама ощущает подземные воды.

Так что когда я цыганскому барону сказал, что у его сына туберкулез и ему жить осталось максимум полгода, это мне не Мировое Информационное Поле

подсказало, к которому я подключился. И туберкулез, и пропитая печень видны невооруженным глазом. Ему сказал бы это и врач из поликлиники, стоило ему туда зайти. Но он в поликлинику не зашел, а заходил чаще в рестораны. Вот про то, что ему срочно нужно ребенка зачать, чтобы не уйти бесследно, это я сам придумал и сказал. И все сбылось. Умер он через шесть с половиной месяцев, а еще через три месяца у него сын родился. Барон решил, что это ему вместо сына Бог внука послал.

Вот с тех пор ко мне народ валом повалил, только я больше отказывал, чем принимал. А когда меня народ совсем достанет, уходил на родник Святая Ручка. А народ разное сочинял, что, дескать, пошел я омываться в этот святой источник, чтобы те болезни и грехи, что я у людей увидел, с себя смыть и ко мне они не пристали. Помню, даже телевидение приехало из КраснодЫра. Почему КраснодЫра, а не Краснодара? А это есть такой околоневороссийский сепаратизм. Тех, кто не забыл, что был Новороссийск губернским городом, а не районным центром, выросшим из станицы по мере того как набрал нужный процент асфальтированных улиц.

Ну, приехали они ко мне, я как раз огород под картошку копал. Разговаривать с ними не стал, сказал, что нет у меня ни божьего, ни чертова дара. На том замолчал и копать продолжил. Не знаю, сняли они ту передачу или нет. Знаю только, что ходили они по многим дворам да про меня спрашивали — это мне потом рассказывали. Как и про то, что я в них всепроницающим взором выявил желание меня оклеветать и выгнал.

Люди...

А телевизионщики — ну чего мне говорить с ними? Что они сделали, чтобы помочь мне, когда я голодал?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Пророк Тьмы в вагоне.	5
<i>Глава 2.</i> «Проснувшийся в Армагеддоне».	52
<i>Глава 3.</i> Зов	92
<i>Глава 4.</i> Сокровища севера	121
<i>Глава 5.</i> Черные тени в Петербурге	145
<i>Глава 6.</i> «Туда живым заказан вход...».	233
<i>Глава 7.</i> Оставив надежду за порогом	272